

Публикуется впервые

Детство и юность Сергея Дягилева

(Окончание. Начало в № 79).

Израиль НЕСТЬЕВ

А.П.Философова всячески покровительствовала талантливым юношам, уже тогда замышлявшим крупные художественные мероприятия - выставки, издание журнала. «Мир искусства» зачался у нас, - не без гордости вспоминала она. - Для меня, женщины 60-х годов, все это было так дико, что я с трудом сдерживала свое негодование... Тем не менее, когда прошла острота отношений, я заинтересовалась их мировоззрением, и, должна сказать откровенно, многое меня захватило. Ложная атмосфера очистилась... осталась несомненной одна великая идея, которая искала и рождала красоту».

В период обучения в университете Дягилев несколько раз выезжал за границу с целью изучения зарубежной музыки и живописи. В первое же лето 1890 года он - вместе со своим кузеном Д. Философовым - проделал громадное путешествие по маршруту: Варшава, Вена, Триест, Венеция, Падуа, Верона, Милан. Затем - Женева, ряд других городов Швейцарии и Германии. «Ездили мы крайне скромно, в третьем классе, только на далекое расстояние во втором, - рассказывает Д. Философов. - В Берлине <...> ели один раз в день, в какой-то Bierhalle (пивной), предпочитая хранить оставшиеся деньги на оперу. Театры мы посещали усердно, так как оба были заядлые театралы. Главным образом в Вене, Франкфурте и Берлине». «Я ехал с музыкальной целью и с целью изучения Вагнера и <...> многое себе уяснил», - признавался Дягилев в одном из писем 1892 года. И действительно, неизгладимое впечатление оставило у него посещение цикла вагнеровских опер в Байрейте. А вот, например, что писал Сергей Павлович мачехе из Италии в 1890 году: «Я прочитал на вокзале афишу, что на следующий день в городе Ресоаго дается концерт illustro baritono Antonio Cotogni (знаменитого баритона Антонио Котони). Войди в мое положение, ну как мне было не отвалить в Ресоаго, который находится от Вероны в шести часах езды <...>. Я полетел в Ресоаго. Еле-еле достал билет. Котони пел так изумительно хорошо, что я чуть на шею ему не бросился. Я положительно не понимаю, как может человек в 60 лет так чудно петь...» (письмо из Вероны). Не меньше впечатлений было и в Петер-

бурге. «А тут еще Патти со своими концертами, - восклицает Сергей Павлович в письме от 17 октября 1890 года, адресованном опять-таки Е.В.Дягилевой. - Просто мочи нет! Слишком много искушений. Тут поет Медея Фигнер, тут абонемент на Зембрих, Котони, а тут в первый раз идет «Князь Игорь» <...> До чего на бедного пермского хамшу-гимназиста это должно действовать!»

В самом начале 1892 года Дягилев вместе с Д.Философовым отправились на две недели в Москву. Они с увлечением изучали памятники старины, посещали театры и музеи. «Целые дни валялись по монастырям, Кремлю, галереям картинным и пр. Осмотрели Москву в самых мельчайших деталях», - сообщает Дягилев в очередном письме к родным. Особый его интерес вызвали спектакли Малого театра с участием Ермоловой, Федотовой, Южина. Но главным событием этого путешествия, пожалуй, оказалось посещение двумя петербургскими студентами дома Л.Н.Толстого и содержательная их беседа с великим писателем, которую Дягилев приводит в упомянутом письме в почти стенографической записи. Он с восхищением описывает внешний вид писателя («соединение крестьянского рабочего костюма с какой-то джентльменской манерой держаться и говорить»); восторгается его «трогательной фигурой» - воплощением «оригинальной правды и натуральности». Молодые люди вручили Толстому небольшую сумму денег - свой вклад в фонд помощи голодающим крестьянам. Составлял длительный разговор, в котором Лев Николаевич полушутя отозвался о студенческой поре жизни, как о «маленьком отдыхе», когда молодой человек, не имея установившихся взглядов, имеет возможность «одумать», определить свой путь. Дягилев сообщает о пережитом им сильнейшем духовном потрясении от встречи с Толстым.

Последующие зарубежные поездки Дягилева - в 1892 - 1893 и 1895 - 1896 годах открыли перед ним новые богатейшие художественные впечатления. Поездка 1895 года была отмечена новым для молодого Дягилева увлечением старинной и современной живописью: он посетил мастерские видных немецких, французских и швейцарских живописцев, приобрел ряд картин для собственной коллекции, которую мечтал превратить в «Художественный музей Serge Diaghileff».

Зарубежный маршрут 1892 года охватывал города Германии, Италии, Франции. Знакомство с «Мейстерзингерами», «Тристаном»

глубоко потрясло молодого энтузиаста музыки. Вот, например, типично романтическое описание его впечатления от увертюры к «Мейстерзингерам»: «Звуки росли, превращались в бурю, еще и еще звуки, смерти звуков, еще, еще, еще, громы небесные, еще приливы, еще леса звуков. Тьма! И вдруг рай - мелодии муз, играющих на своих лирах. Тут все есть - мелочность, интриги, горе, гнев, любовь, ревность, ласка, стоны -

С.П. Дягилев в студенческой форме. Начало 1890-х гг.

все это сгущается и идет наконец вместе, представляя из себя жизнь, какая она течет у каждого из нас. Но надо всем этим торжествует истинная красота» (из письма от 14 июля 1892 г.).

Сегодня кажется невероятным, что молодой Дягилев, позднее ставший другом Стравинского и Пикассо, успел лично познакомиться с

Брамсом и Верди, с Эмилем Золя, Эммануэлем Шабрие.

В Париже (декабрь 1893 года) Дягилев посетил Эмиля Золя, вероятно, самого крупного из живших в то время французских писателей. «Несколько дней тому назад я был у Золя и тоже сидел у него с час. Много и интересно беседовали об анархистах, о Толстом, об идеалах, об искусстве. Я, конечно, все это тщательно записал и прочту вам. Под конец я попросил его что-нибудь написать мне на карточке и он написал милую фразу: «Произведение искусства есть часть природы, пропущенная через темперамент художника». Хотя я совсем с этим не согласен, но все-таки очень интересно».

На Западе молодой Дягилев с увлечением изучает мастерство выдающихся актеров: восторгается великой трагической артисткой Са-рой Бернар, посещает спектакли итальянских трагиков Элеоноры Дузе, Муне Сюлли (последний, правда, решительно не понравился своим «манерным завыванием»). В одном из блестяще написанных писем он характеризует народное празднество на улицах Венеции, где выступал перед итальянской толпой знаменитый баритон Таманьо: «Был громадный праздник - ночь della feste di Predentove. Всю ночь вся Венеция в гондолах, огни, фейерверки, музыка на плотках, словом, сказочная феерия... Рядом с нами расположилась громадная компания с Таманьо во главе. Ах, что это была за ночь!»

Переписка Дягилева с мачехой полна интересных сообщений о его музыкальных уроках, все более вытеснявших неглубокий интерес к юридическим наукам. Он пишет о своих занятиях пением, о нарастающем увлечении композиторством.

«Вот уже две недели как начал брать уроки пения у профессора консерватории Габеля, - сообщал он. - Я долго советовался, у кого мне брать уроки, и мнения массы людей сошлись на Габеле. Он мною очень доволен. <...> На этой неделе начинаю брать уроки теории у Соловьева. Пора приняться серьезно за дело, а то годы идут и теряют их нечего».

Все чаще в переписке Дягилева встречаются упоминания о законченных его музыкальных сочинениях - камерных пьесах, романах. Иногда он сам иронизировал над своими только что созданными опусами, признаваясь в их несостоятельности и стилистической «старомодности»: «В своей композиторской деятельности я подвинулся, создав еще одно бессмертное произведение - Романс для виолончели и

фортепиано, образец пошлятины и салонной мерзости, хотя и очень миленькая мелодичная вещичка» (письмо от 11 августа 1893 г.).

Из воспоминаний Бенеу известно, что в 1894 году Дягилев работал над оперой «Борис Годунов» (по трагедии Пушкина) и успел закончить в ней «Сцену у фонтана», которую показывал своим друзьям (сам автор пел партию Самозванца, Панаева-Карцева - Марины Мнишек). Эти оперные фрагменты были встречены, впрочем, без особого энтузиазма: Бенеу с нескрываемым пренебрежением отметил в них нечто весьма бравурное с разливами «широкой мелодии», соединившей «элементы Мусоргского с реминисценциями Чайковского».

Тяжелую травму самолюбивому юноше нанесло его неудачное посещение класса Н.А.Римского-Корсакова в сентябре 1894 года. Известно, что Римский-Корсаков, прослушав сочинения, дал им резко отрицательную оценку, не найдя у автора композиторского дарования. Этот малопрятный для Дягилева визит подробно описан в воспоминаниях В.В.Ястребцева (запись от 22 сентября 1894 г.): «... Римский-Корсаков рассказал о курьезном визите одного молодого человека по фамилии Дягилев, мнящего себя, вероятно, великим композитором и, однако, пожелавшего брать уроки у Николая Андреевича. Произведения его оказались более чем вздорными; Римский-Корсаков высказал ему прямо свой взгляд; тот, видимо, обиделся и, уходя, сказал без заносчивости, что он все-таки верит в себя и свои силы, что этого дня он никогда не забудет и что когда-нибудь мнение Римского-Корсакова займет позорное место в его будущей биографии и не раз заставит пожалеть о некогда столь опрометчиво сказанных словах, но что тогда уже будет поздно...»

Резкая, бескомпромиссная оценка, данная Н.А.Римским-Корсаковым, сыграла свою роковую роль в музыкальной биографии Дягилева. Получив столь категорический приговор со стороны крупнейшего музыканта России, Сергей Павлович, видимо, понял, что сочинение музыки - не его стихия и что следует искать иные пути приложения своей невероятно динамичной творческой природы. Именно тогда, в 1894 - 1895 годах, его художественные интересы начинают склоняться в сторону живописи - отчасти под влиянием близкого общения с Бенеу и Бакстом.

И все же занятия Дягилева композиторством и вокальным искусством, его интереснейшие зарубежные поездки оставили неиз-

гладимый след в его эстетическом развитии. Будущий руководитель «Русских сезонов», несомненно, обрел право стать достойным вдохновителем целого направления в отечественной музыке начала XX века. Он научился читать партитуры, мог самостоятельно анализировать сложные нотные рукописи, аккомпанировать певцам (в том числе таким крупным, как Ф.Шалляпин или Н.Фигнер). Он много и охотно играл в четыре руки - преимущественно со своим постоянным партнером В.Ф.Нувелем, с которым его связывала почти сорокалетняя дружба. (Увлечение его четырехручным исполнением было столь велико, что И.Ф.Стравинский позднее посвятил ему - наряду со «Свадебкой» - одну из своих «Трех легких пьес» для фортепиано в четыре руки, ор.30).

Свободное владение стихией музыки впоследствии не раз придавало особый художественный вес организаторской деятельности Дягилева, открывая путь к сердцам его соратников и покровителей. И действительно, надо было обладать музыкальным авторитетом, чтобы позволять себе вмешиваться в творчество таких композиторов, как Стравинский, Прокофьев, Равель, Фалья, предлагать свои коррективы к завершенным партитурам или даже отвергать сочинения, показавшиеся ему неподходящими для балетного театра.

К музыкальным талантам молодого Дягилева следует добавит его несомненный дар литератора, критика, блестящего стилиста, раскрывшийся в его письмах к друзьям и родным и в первых же его опубликованных статьях об искусстве. Выше мы привели ряд фрагментов из его переписки, из которых явствует, сколь ярким было его литературное дарование. Его друг А.Н.Бенеу прямо утверждал, что, если бы Дягилев продолжал писать, он, несомненно, занял бы подобающее место в русской художественной критике. Но Сергея Павловича манили иные берега: не только комментировать и оценивать художественные творения современников, но и лично участвовать в их рождении, добиваться их совершенного исполнения и общественного признания. Можно утверждать, что «музыкальные университеты» Дягилева и его огромный опыт живого общения с музыкой дали ему все права для того, чтобы стать во главе нового художественного движения.